

Яна САФРОНОВА

ВНУЧКА – БАБУШКИНО СЧАСТЬЕ, ВНУЧКА – ДЕДУШКИН ЦВЕТOK

Яна Владимировна Сафронова родилась в Смоленске. Окончила Московский государственный институт культуры по специальности «Литературное творчество». Литературный критик. Статьи публиковались в журналах «Наш современник», «Москва», «Сибирские огни», «Нижний Новгород», «Подъём», «Роман-газета», «Гостинный двор», «Бельские просторы». Лауреат премии имени А.Г. Кузьмина журнала «Наш современник», премии журнала «Сибирские огни», лауреат премии «В поисках правды и справедливости», X Международного славянского литературного форума «Золотой витязь», премии «Неистовый Виссарион» в номинации «Перспектива». Работает руководителем проектного офиса в Ассоциации союзов писателей и издателей. Живёт в Москве.

Имя Валерии Шимаковской пока почти неизвестно читателю: двадцатилетняя студентка четвёртого курса МГИМО дебютировала на страницах «Юности» с коротким и довольно скупо написанным рассказом «Бекар» в прошлом году, а затем напечаталась с подборкой миниатюр о больничной жизни в «Нашем современнике». Замечу, что вторая публикация сама по себе уже заслуживает внимания, это очень занимательное и бойкое повествование, где молодая девушка с восторгом и живым юмором описывает будни пожилых соседей по палате, в каждой находя что-то очень родное и читателю близкое.

Цикл рассказов «Нашы», представленный в номере, — истории о семье, и в большей мере — о старших членах этой семьи, попытка захода на новую глубину, рывок на новое приближение. Художественная оптика Шимаковской снова обращена

на окружающий мир, она не самососредоточена. Начиная автор пытается изучить себя через других и открыто говорит об этом в тексте: *«Я уверена, что это было бы хорошо — написать о прекаждой семье книгу. И давать её вместе с азбукой новым детям семьи. Так проще ребёнку будет разобраться, из чего он состоит. Тридцать тёток, три дяди, с таким-то набором привычек-характеров, и тебе по чуть-чуть ото всех перешло»*. Конструкторский подход оказывает своё влияние на текст: иногда он дробится и прыгает, расплзается на множество маленьких деталей. Но та жадная наблюдательность, свежая, сбивающая с ног энергия, с которой Шимаковская описывает всех старушек вокруг, заставляет читать дальше и влюбляться в них всё больше с каждой страницей.

Персонажи цикла рассказов «Нашы» — в основном женщины. Последовательность главок выстроена по возрастной градации: сначала нам рассказывают о многочисленных бабушках со всех сторон генеалогического древа, затем лёгким призраком нежности мелькает мама, а завершается текст зарисовками о сестре. Мужчины здесь есть, но все они лишь бледные тени женского прошлого, и понятно, что на становление личности героини они не оказали почти никакого влияния.

Центр многоступенчатой семейной системы — матриарх, бабушка со стороны мамы: сталь

и огонь, буря несдерживаемых эмоций, крепкие слова. Ветвятся в тексте воспоминания, появляются в них и бабушкины сёстры, каждая — яркая индивидуальность и безусловная личность. Вот баба Маша, например, — ряды, праздник, чад довольно своеобразного по форме кутежа: *«Иногда смотрели футбол. Набирали на тридцать пятой минуте второго тайма её сына: звонящей выбиралась она, на неё накричать ни у кого голосовые связки не поднимались. Спрашивала за всех: “Наше-то, Колошка, в красном?” Затем наряжалась: клипсы, юбка шитая, искусственные косы. Ночью спать — под ковром и иконами. Маленькие — гольшом»*. Один из знаменитых семейных курьёзов — как баба Маша устраивает внукам инициацию в своём стиле, учит пить пиво, чтобы аж до отвращения: *«Поехали на её родину, Украину. Проводник заходит в купе. А утро же: у нас рацион, пиво по расписанию. Глаза у него как крышки от пива сделались, по краям резные, с нарисованным вместо эмблемы ужасом. Видит: дети пьют, бабушки — нет. Одна — руки на груди — к окну отвернулась, другая — в клипсах — ложки внукам достала: к пенке»*. Времяпрепровождение с бабулями в «Нашых» не скучная повинность, а непрекращающаяся вечеринка, переходящая в весёлый шабаш. И хоть встреча с Машей возможна теперь только на полях памяти, рассказывают

нам о ней как о самой живой на свете.

Есть и другие, не менее привлекательные типажи. Противоположность веселушки Маши — баба Нина, старшая из подружек-сестёр. Образец собранности и борец за справедливость, пример, на который стоит равняться: *«У бабы Нины специальностей было много, только за последние полвека она заведовала столовыми, швейной фабрикой и хлебобулочным комбинатом. Ещё еженедельно, несмотря на грыжи, полученные при выгрузке вагонов, ездила на дачу и заговаривала знакомым недуги при случае».*

Деятельная, неустанная, она поражает читателя своей социальной ответственностью, когда в день рождения обнаруживает, что около дома нет скамейки, и берётся за исправление вопиющего беспорядка, празднует девяностолетие звонком в жилконтору:

«— Захотелось присесть, потому ч... Потому что, — со словом “устала” не был знаком её лексикон. — Потому как всякий же человек должен иметь крышу над головой и скамейку под задом!

Во время вечерних поздравлений баба Нина то и дело подходила к окну — криком в форточку поправлять работников, если расчёт неверен, подгонять, подбадривать и, судя по беззвучно шлёпающим губам, ещё и заговаривать от пьянства цикламеновые их лица».

Если отдалиться от манеры изложения, то, в сущности, здесь написано о дотошной пожилой женщине, которая настолько всех допекла, что её номер телефона занесли в чёрный список ЖЭКа. Но для Валерии Шимаковской и у Валерии Шимаковской всё не так: её «девочки», никогда не стареющие душой, — милые, очаровательные, добрые волшебницы. Чуткость и искренняя любовь, которые понижают текст, — удивительное открытие. Такое не напишешь головой, это можно сделать только талантом и сердцем. Способность рассмотреть в человеке самое трогательное, настоящее сквозь все несовершенства и преподнести это без всякого приподнятого морализаторства и патетики — многообещающая заявка на будущее мастерство.

Образ семьи, вырастающий из текста, умильно благодетен. В «Наших» на каждом шагу мерцают признаки комфорта, не оглядывающегося благополучия. У героини и её сестры, помимо сонма бабушек, есть няня, часто речь ненароком заходит о богатом наследстве, а девочки месяцами отдыхают на море. Члены семьи дружат, без оглядки помогают друг другу, бабушка хоть и поругивается иногда, но с удовольствием воспитывает внучек. Из разочарований — разбитая колёнка, проигрыш в олимпиаде или то, что вид танцев не предполагает балерины пачки. Счастливое детство, отсутствие конфликта

в мире. Валерия Шимаковская описывает перламутровый кокон, который одновременно помогает достичь переливчатого приятного свечения текста, но вместе с тем как будто мешает двинуться дальше, туда, где может быть темно и небезопасно, а иногда даже можно испачкаться.

Наверняка описание куражных бабушек в третий раз уже не сработает, представленные в «Нашых» образы, ситуации, подходы — апогей, лучшее, на мой взгляд, что могла сказать на эту тему Валерия Шимаковская. Что будет дальше — лотерея, и очень интересно посмотреть, как она поступит: пойдёт ли знакомиться с собой напрямую или найдёт новых очаровательных пожилых героев в ближайшем окружении и снова как-нибудь объяснит, что постигает себя через них.

Одна из сильнейших сторон данного цикла — присутствующий в них юмор. Шимаковская не стесняется шутить, и получается у неё очень здорово. Когда читаешь «Нашых», испытываешь редкое в современной литературе чувство лёгкости, неожиданности и своевременности иронического замечания. Рассказы зачастую отталкиваются от забавного случая, который произошёл с тем или иным членом семьи, и тут действительно есть чем поживиться. Сама манера повествования Валерии Шимаковской приятно-шутлива, она обо всём излагает с эдакой лукавой хитрецей: *«Дед в Питере*

однажды уже был и чувствовал себя почти что экскурсоводом, то есть говорил: «Вот это, Фаина, дом, в нём семь этажей, я уж в прошлый раз произвёл подсчёты». Бабушка довольно кивала: она работала бухгалтером и к цифрам относилась с трепетом». Но по ходу ненапрягающего чтения всё-таки становится интересно: а когда и как будет серьёзно?

Нечасто в тексте всё же появляется неожиданная пронзительность. О зыбком и неизвестном автор говорит робко, обозначает прозрачными штрихами. На неизведанной территории пока не получается делать выводы, поэтому в основном выносятся предположения. Вот, например, как описана бабушка Оля с папиной стороны: *«Нам не хватало бабы-Олиного тепла. Возможно, в ней было его недостаточно — тепло ведь тоже откуда-то надо брать, и явно не из детства, где она воспитывалась. Когда ездили и папой в сторону дачи, бабушка Оля почти не говорила, а всё смотрела в окно, не убирая со щеки стекающий солнечный свет, — пыталась восполнить тепло, в ней недостающее».* Оля не очень понятна, поэтому и рассказ «Змейка» о ней — не совсем о ней, а о таинственном животном, живущем рядом с домом и охраняющем её одинокие дни. Сразу возникает параллель с «Прощанием с Матёрой» Валентина Распутина, и характерная змейка видится

вычитанной и не совсем органичной повествованию. А когда автор решает целиком удариться в сложную тему и рассказывает об одинокой и параноидальной тётё Наташе, всё и вовсе сваливается в фарс с фантазиями о непроизошедших встречах. Однако к концу повествования Шимаковская всё-таки преодолевает эмоциональную высоту и на ходу учится лучше понимать своих героев. Когда речь заходит о сестре, текст приобретает совершенно иное звучание.

Сестра — олицетворение душевной тонкости, обожаемая младшая, которая любит всех на свете животных. Героиня наблюдает за ней с удивлённой заинтересованностью и трепетом. Особенно сильно написан эпизод встречи сестры с дикой лошадью в лесу, где появляется несвойственная до этого повествованию уверенность и серьёзная свобода. Что-то в мире детства ломается... Отношения с сестрой наглядно иллюстрируют трагедию взросления, за которой автор наблюдает с пристрастием и большей смелостью выводов: *«Огромным разочарованием обернулся для нас обеих момент, когда сестра начала читать. Для неё потому, что она всё теперь пропускала — лягушку, птицу и проходящего пса; мне потому, что она не делилась удивительностью жизни. <...> ...лучше бы сестра никогда не отрывала от лягушки своих губ и не отдавала бы ни части своей*

непосредственности. Не понимали, что никакие книги — ни самые первые, ни прочитанные впоследствии — не заменяют ей эпизоды и сцены жизни, за которыми, как никто из нас, умела она наблюдать».

В отношении сестры Валерия Шимаковская уже не боится говорить о грустном, неприятном, досадном. Возможно, потому что сокращена возрастная дистанция и ровесника понять легче. В любом случае правильно, что текст заканчивается именно этим — придиричьими разговорами об именах будущих мужей, слезами из-за ревности к общим желаниям и т. д. Карамельная история не может продолжаться вечно, девочки выросли, балетные пачки легли на антресоли, а бабушки, как бы ни был прекрасен их земной век, ушли безвозвратно.

Последнее, о чём здесь нужно сказать, это то, как пишет Валерия Шимаковская. По «Больничным рассказам» было более чем очевидно, что создал их начинающий журналист, а не писатель. Статейные канцеляризмы, выученные вводные, вычитанные из школьной программы «коли», «абы», «дабы», изошрённые инверсии... В «Нашых» произошло явление слуха. И хотя в новой работе пока ещё не удалось окончательно избавиться от всех существующих стилистических недочётов, видно, что автора начало интересовать слово, ассоциативное фонетическое письмо, звукопись. Иногда играть

в язык получается очень удачно: «*Примерно тогда же мама папы встретила папу папы, и у него было самое мягкое, самое льяное имя на свете — Лёня. В письмах в роддом папа папы маме папы писал: «Покрывало, Оля, купить жёлтое, тусклое-тусклое, за рубль семьдесят пять, или розовое, яркое-яркое, за три?» Добавлял: «Если плохое-плохое у тебя настроение, не пиши, пережди. А то мне тоже становится плохо-плохо. Целую крепко-крепко». И ставил в конце колосющееся имя своё: Лёня. У папы папы все выражения были двойные, одного слова не хватало, не вмещалось в него, что хотел он выразить. Добавлял к первому слову близнеца и, кажется, был доволен».* Речь как часть характера — важная составляющая «Нашых», и то, что она здесь появилась, широкий шаг вперёд, к полновесному и объёмному художественному тексту.

Наблюдать за творческим развитием Валерии Шимаковской интересно. Она начала свой путь не с рассказов о первой любви или болезненных страданиях юности, а с последовательной попытки решить загадку рода, зацепить уходящую

вечность. Причём ноту взяла не минорную, что всегда легче и надёжнее, а попыталась показать лучшее в любимых людях. Ей предстоит ещё многое: прожить и изучить вскользь упоминаемую причину «нехватки дедушек», читать, отсутствие в тексте внятных мужских образов; освоить науку останавливаться, а затем и безжалостно сокращать, каким бы драгоценным ни казался текст и каждый герой; овладеть искусством связного повествования на длинной дистанции; предпринять попытку принципиального развития, на которую где-то нужно будет взять другой опыт и иную фактуру; дойти до сравнения с предшественниками, осознания себя как части чего-то большего; и, наконец, выйти из зоны ласкающей тепличной теплоты в переменчивую погоду реальной большой жизни со всем разнообразием тем и проблем, которые она предлагает. Надеюсь, что в ближайшее время Валерия Шимаковская окончательно вырастет из литературного ампула вечной внучки, а вслед за этим в её прозу придут совершенно новые герои, и возможно, они даже будут значительно младше семидесяти.